АРГУМЕНТЫ ИСТИНЫ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

КРАХ СССР

Сергей Кара-Мурза

Крах СССР

«Алисторус»

2013

Кара-Мурза С. Г.

Крах СССР / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2013

ISBN 978-5-4438-0214-5

Эта книга посвящена внутренним факторам и условиям, которые ослабили СССР и привели его к кризису 80-х годов. Она написана уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы – жестокий эксперимент. Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции как государство и общество, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять – и о стране, и о себе.Знание необходимо и потому, что мы и впредь будем двигаться вслепую, если не поймем советского строя, к тому же не убитого, а лишь искалеченного и ушедшего в катакомбы. В выборе и построении возможного для нас жизнеустройства будет совершенно необходим опыт советского строя, включая опыт его катастрофы.Книга предназначена для студентов, преподавателей и всех, кто думает о прошлом и будущем России.

ISBN 978-5-4438-0214-5

© Кара-Мурза С. Г., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Предисловие 6
Введение 8
Раздел 1 12
Глава 1 12
Глава 2 23
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Крах СССР

© Кара-Мурза С. Г., 2013
© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

В августе 1991 г. верхушка КПСС передала власть «второй смене» – тоже радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры, и та выполнила вторую, «грязную», часть работы по уничтожению СССР и советского государства.

Но государство – не человек, оно умирает долго и трудно, и в течение более 20 лет мы наблюдаем его агонию. Только во время этой агонии, через утраты и обретение памяти, начинает ныне живущее поколение понемногу осознавать, что же это было за государство – *советское.* Начинает понимать, каким *обществом* это государство было рождено и на каких устоях держалось. Через смертельные удары по его уязвимым точкам мы начинаем различать, пока еще смутно, его строение, чувствовать его природу.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти: у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Б. Ельцину с А. Чубайсом и Дж. Бушу с Джеффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но даже и они не могут не понимать, что «целились в коммунизм, а стреляли в Россию». Но не будем отнимать утешения у убийц бескорыстных. Пусть считают, что уничтожить Россию им пришлось, изгоняя из нее дьявола коммунизма. Будем говорить о целом.

Эта книга – один из тех трудов, что стали появляться уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы – это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастрофы – источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и стране, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями священных тайн и преданий! Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции, как государство и общество, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять – и о стране, и о себе.

Но очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей – можем ли мы дать ему пропасть!

Речь не идет о возврате в *«тот»* советский строй. Это невозможно и никому не нужно – вернуться, чтобы снова вырастить М. Горбачева с Б. Ельциным? Знание необходимо потому, что мы и вперед будем двигаться вслепую, если не поймем старого строя, к тому же вовсе не убитого, а лишь искалеченного и ушедшего в катакомбы. Понять советский строй – это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить. Недаром антисоветизм – одна из главных сегодня идеологических программ. Возможно, главная, причем во всем мире. На ее подпитку в России брошены силы всех окрасок, потому что, поняв советский строй, люди очень быстро нащупают контуры нового проекта и пробьют к нему туннель.

Советский проект был для всего фашиствующего мирового интернационала как кость в горле. Уже на первой своей, ранней, стадии реализации в виде СССР в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных *возможна.* Возможно и существование человечества, устроенного как семья, «симфония» народов – а не как мировой апартеид, вариант неоязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР – тяжелый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были оттеснены в тень духовным порывом народов России, а на хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди своих воров и романтиков, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял.

Но и тем, кто этому потакал, и тем, кто не сумел защитить СССР, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни понемногу и незаметно начнет отвлекать людей от телеэкрана и заставит искать выход. Есть основания на это надеяться.

Уже сегодня всем, кто сохранил здравый смысл, ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в новый порядок, обеспечивающий выживание страны и народа. Те «стратегические программы», которые нам периодически дают «пожевать» президенты и их эксперты, есть продукт чисто идеологический, сшитый на скорую руку. Он не предназначен ни для обсуждения, ни тем более для выполнения. Это – прикрытие еще на год, на два. Пока и верующие в рынок, и его критики грызут эту кость, господствующее меньшинство вывозит достояние страны за рубеж, отправляет туда же детей и внуков учиться, обустраивает гнезда комфорта в самой России – на случай, если паралич вымирающего народа затянется.

А те сценарии, которые пишутся всерьез, предусматривают, как самый лучший вариант, превращение России в периферию мировой капиталистической системы – в площадку, на которой «экономические операторы» будут в небольших очагах современной экономики добывать то, что необходимо «глобальному рынку». И очаги эти будут окружены морем обнищавшего населения, выброшенного из цивилизации и самым примитивным образом добывающего скудное пропитание. Это население уже не будет ни русскими, ни татарами, ни якутами, это будет утратившая национальную культуру человеческая пыль. Она будет оставлена на земле в таком количестве, чтобы бесперебойно рожать и выращивать до 18 лет почти даровую рабочую силу для «очагов цивилизации» и солдат-контрактников для внутренних войск.

Как большинство ни оттягивает этот момент, каждому придется взглянуть правде в глаза и признать, что или наши народы восстановят то жизнеустройство, которое совместимо с природой, наличными ресурсами и культурой, или исчезнут как народы и как страны, подобно американским индейцам.

В выборе и построении возможного для нас жизнеустройства будет совершенно необходим опыт советского строя, включая опыт его катастрофы. Мы должны понять, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Понять источники и нашей силы, и поразительной уязвимости.

Приведенный в книге фактический материал уже достаточно хорошо известен. Но в публикациях в течение последних 20 лет он приводился как доводы в спорах о текущем моменте и о будущем – о том, как слова и дела повлияют на жизнь народов постсоветских республик, осколков бывшего СССР. В данной книге этот материал служит объяснению одного исторического факта – краха СССР и советского строя.

Это иной взгляд на факты.

Введение

Мы имеем опыт катастрофы – поражение советского строя, включая его политическую систему и систему межнационального общежития (СССР). За 20 лет после ликвидации СССР мы многое поняли. Остается ряд загадок, но мы имеем к ним подходы. Об этом и будем говорить, создавая нашу картину крупными мазками, без деталей.

Данная книга посвящена *внутренним* факторам и условиям, которые ослабили СССР и привели его к кризису 80-х годов XX в. С этим кризисом советский строй не справился. Это не значит, что внешние факторы несущественны для судьбы СССР. Напротив, советский строй не устоял против разрушительного воздействия *союза внутренних* и *внешних* антисоветских сил, который и сложился в 70—80-е годы XX в. Скорее всего, без этого обе группы сил порознь справиться с советской системой не смогли бы.

Решающее значение внутренних факторов определяется тем, что для нас факторы внешней среды – это почти данность, устранить которую невозможно. Для анализа примем ее как константу, а внутренние условия и факторы – следствия действий или бездействия самой советской системы, государства и общества. Это те *переменные,* на которые они могли и обязаны были влиять. У противников СССР в холодной войне без союзников внутри советского общества не хватило бы сил для победы. Эти наши собственные переменные мы обязаны изучить – ведь жизнь продолжается, а уроки поражения самые ценные.

Перед нами два вопроса: что такое был «советский строй» и что с ним произошло? Почему СССР рухнул, казалось бы, на пике своего могущества? Почему к концу 80-х годов XX в. его легитимность была подорвана и в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на его существование? Как было определено еще в XVI в. Н. Макиавелли, власть держится на *силе* и *согласии.* Развивая эту тему, А. Грамши добавил, что согласие должно быть активным. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то этого достаточно, чтобы организованные заинтересованные силы сменили социальный строй и политическую систему. А такие силы всегда есть и в стране, и за рубежами. В 1990–1991 гг. массовое сознание населения СССР не было *антисоветским.* Люди желали, чтобы главные условия советского общественного строя были сохранены и развивались, но они желали этого *пассивно.* И этим советский общественный строй был обречен.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в преддверии гражданской войны в Испании написал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, – наивная иллюзия. История – это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить – значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации»[129].

Но советских людей, родившихся после великой Победы в Великой Отечественной войне, этой простой мудрости не научили.

Трудность разговора на тему книги заключается в том, что официальная советская история была мифологизирована, и от нас до сих пор требуются большие усилия, чтобы уйти от ее стереотипов. Многое покажется непривычным, многое трудно будет встроить в устоявшиеся взгляды. Эта история «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими штампами. И мы не вынесли из истории уроков, даже из Гражданской войны.

Мы, например, не задумывались над тем, почему две марксистские революционные социалистические партии, даже, точнее, фракции одной партии (большевики и меньшевики), оказались в той войне по разные стороны фронта. Советские экономисты обучались в Академии народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а Г. В. Плеханов считал Октябрьскую революцию

реакционной. Разве это не символично? Мы только сейчас узнаем, что западные марксисты считали большевиков «силой *Азии»,* в то время как марксисты-меньшевики считали себя «силой *Европы».*

Этот разговор трудный и потому, что через образование мы получили язык западных понятий, а болезни и радости незападных обществ трудно выразить на этом языке. Но давайте сделаем усилие и взглянем на катастрофу СССР без догм и стереотипов, стараясь говорить на естественном языке, а не на языке идеологии.

Итак, о том, что было. Кратко об исходных установках книги.

Советский строй — это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры. Надо различать *советский проект,* т. е. представление о благой жизни и дороге к ней, и *советский строй* как воплощение этого проекта на практике. Многое из намеченного проектом не удалось создать в силу исторических обстоятельств, но очень многое удалось – сегодня это даже поражает. И то, и другое надо понять. Советский строй просуществовал 70 лет, но в бурном XX в. это было несколько исторических эпох. Его стойкость при одних трудностях и хрупкость при других многое сказали о человеке, обществе и государстве.

Советский проект – это не просто социальный проект, но и ответ на фундаментальные вопросы бытия, рожденный в Евразии, в сложном обществе России, находящейся «между молотом Запада и наковальней Востока» (Д. И. Менделеев). Рядом был мощный Запад, который дал свой ответ на вопросы бытия в виде рыночного общества и человека-атома, индивида – из недр протестантской Реформации. Рядом начинал подниматься и мощный Восток, ответ которого на те же вопросы мы только-только начинаем понимать.

Советский проект повлиял на все большие цивилизационные проекты: помог зародиться социальному государству на Западе, демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для укрепления и самоосознания цивилизаций Азии в их современной форме.

Советский проект не исчерпал себя, а советский строй не выродился и не погиб сам собой. У него были болезни роста, несоответствие ряда его институтов новому состоянию общества и человека во второй половине XX в. Было и «переутомление» от форсированных усилий и тяжелой войны. Было и замешательство на распутье. В этом состоянии он был «убит» противником в холодной войне, хотя и руками «своих» – союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части интеллигенции («западники») и части преступного мира.

Никаких выводов о порочности *проекта* из факта убийства его «носителя»-строя не следует. Бывает, что умного, сильного и красивого человека укусит тифозная вошь, и он умирает.

Никаких выводов о качествах этого человека и даже о его здоровье сделать нельзя. Из факта гибели СССР мы можем сделать только вывод, что *некоторые защитные системы* советского строя оказались слабы. Этот вывод очень важен, но на нем нельзя строить отношение к другим системам советского строя, это было бы просто глупо.

Нет смысла давать советскому строю формационный ярлык – социализм, «казарменный феодальный социализм», государственный капитализм и т. д. Эти определения только ведут к бесполезным спорам. Например, во время перестройки интеллигенцию увлек совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, как его надо называть. Сказал *«казарменный социализм»* — и вроде все понятно. Академик Т. И. Заславская уже под занавес перестройки в важном докладе озадачила аудиторию: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?» [63].

Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в тонкости дефиниции и марксистской теории, смысл которой даже закоренелые начетчики помнили очень смутно.

А вот как трактовал и трактует природу СССР профессор МГУ А.В. Бузгалин: «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией "мутантного социализма" (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы)».

А.В. Бузгалин считает, что создал целую теоретическую категорию, объясняющую гибель советского строя. На деле взятая им из биологии ругательная метафора «мутант» бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма. Если такое изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то эта полезная мутация служит важным механизмом эволюции. Если, как это делает А.В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то *любое* социальное жизнеустройство оказывается «мутантным» и иным быть не может.

Метафора неверна уже потому, что мутация есть изменение чего-то, что уже *было* как основа («дикий вид»). Если бы в мире где-то существовал *правильный социализм,* а под воздействием И. Сталина из него возник казарменный социализм, исказивший исходный образец, то его еще можно было бы обозвать мутантом. Но никакого исходного социализма, от которого произошел советский строй, не существовало. И эту метафору профессор МГУ переносит из публикации в публикацию уже в течение 20 лет.

Будем исходить из очевидной вещи: советский строй был *жизнеустройством* большой сложной страны со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас мы видим, как ломают главные структуры этого строя и каков результат, выражающийся в простых и жестких понятиях. Из всего этого и надо извлекать знание о советском строе, создавать его образ и искать причины его слабости и гибели.

Не будем удревнять проблему и уходить в глубь веков, хотя корни там. Достаточно начать уже с XX в. Россия в начале XX в. в главных своих чертах была *традиционным* (а не западным, гражданским) обществом, хотя и пребывала в состоянии быстрой и далеко зашедшей *модернизации.* Начиная с Петра I Россия осваивала и в то же время «переваривала», хотя и с травмами, западные институты и технологии, но не утратила своей цивилизационной идентичности. Ярче всего она выражалась в антропологии – господствующим в культуре представлениям о человеке. Производными от этих представлений были основные ценности, понятия о добре и зле, благой жизни, о собственности и хозяйстве, власти и правах человека. Именно глубинные представления о человеке, а не социальная теория, породили русскую революцию и предопределили ее характер.

Это тезис фундаментальный, он вызывал острые дебаты в моменты всех общественных столкновений XX в. и продолжает вызывать их сегодня.

Советский проект вызревал очень долго. Откуда взялись декреты советской власти и сама идея национализации земли? Они взялись из тех представлений общинного крестьянства, которые вынашивались в течение примерно 30–40 лет. Уже в «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардта (80-е годы XIX в.) видно, как в крестьянской общине вырабатывалось и совершенствовалось представление о благой жизни, а потом (в 1904–1907 гг.) излагалось эпическим стилем в виде наказов и приговоров. Из наказов и брали эти представления эсеры и большевики. Сегодня процесс формирования этого проекта реконструирован достаточно надежно.

Русская революция 1905–1907 гг. была началом *мировой революции,* вызванной сопротивлением крестьянского традиционного общества разрушающему действию западного капитализма (сопротивлением против «раскрестьянивания»). В Западной Европе эти «антибуржуазные» революции (или контрреволюции, типа крестьянских восстаний Вандеи) потерпели поражение, а на периферии – победили или оказали влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике, самые последние на Кубе и в Иране – по всему «незападному» миру.

Модель, созданная русскими марксистами с активной помощью К. Маркса и Ф. Энгельса для понимания России, была логична: Россия должна пройти тот же путь, что и Запад, – буржуазную революцию, развитие капитализма, разделение народа на классы, борьба которых приведет к пролетарской революции в момент, когда капитализм исчерпает свой потенциал и станет тормозить прогресс производительных сил. Эту модель не приняли М. Бакунин, а потом народники, разработавшие концепцию *некапиталистического* развития России. Народников разгромили марксисты, они считали, что разрушение традиционного хозяйства капитализмом быстро идет в России. Г. В. Плеханов полагал, что оно уже состоялось. Так же поначалу считал и В. И. Ленин, мысливший в рамках политэкономии капитализма. Однако эта модель была неадекватна в принципе – не в мелочах, а в самой своей сути.

В. И. Ленин пересмотрел модель Маркса в отношении России в ходе революции 1905 г. и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. В статье 1908 г. «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин дает новую трактовку русской революции. Это не буржуазная революция ради устранения препятствий для капитализма, а революция союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* господства капитализма. Она мотивирована стремлением *не пойти* по капиталистическому пути развития. Ортодоксальные марксисты (меньшевики) эту теорию не приняли, и конфликте большевиками углубился.

Второй развилкой на этом пути была Февральская революция 1917 г.

Раздел 1
Советский проект. Начало

Глава 1
Короткая справка о революциях 1917 г.[1]

Между Февралем и Октябрем 1917 г.

25 октября (7 ноября) 1917 г. в России произошла революция, которую потом назвали Великой Октябрьской социалистической. Было отстранено от власти Временное правительство, учрежденное после свержения монархии в феврале 1917 г. Февральская революция была организована крупной буржуазией при поддержке правительств Англии и Франции, в союзе с которыми (Антантой) Российская империя с 1914 г. воевала с Германией и ее союзниками.

Правители Англии и Франции считали, что монархия в России теряет контроль над страной, в которой шли сложные революционные процессы, и опасались, что царь пойдет на сепаратный мир с Германией. Российская буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, была противником монархии и сословного государства, которые препятствовали модернизации экономической и политической системы по западным либеральным буржуазно-демократическим канонам.

Ленин писал в марте 1917 г. то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова».

Февральская революция победила так быстро и бескровно потому, что на время возник союз сил, имевших совершенно разные цели, – прозападной буржуазии и Антанты, желавших продолжения войны, с массовым народным движением, желавшим мира. «Штабом» революции была Государственная Дума, где большинство имела буржуазная Конституционно-демократическая партия («кадеты»).

В революционные дни в Петрограде был создан Совет. Если весь ход формирования Временного правительства легко проследить документально, то о процессе возникновения советов историки говорят скупо. Активный деятель того времени художник А. Н. Бенуа писал в апреле 1917 г.: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

В Петрограде важную роль в образовании Советов сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной Думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов – по типу Петербургского совета 1905 г. Участники этого заседания были арестованы и отправлены в тюрьму всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

[1] Эта сжатая справка дает широко известные сведения. Более подробно изложено в [74].

Активной и влиятельной силой в Февральской революции было российское политическое масонство, которое было воссоздано в начале XX в. с помощью западных масонов. В Москве и Санкт-Петербурге были учреждены ложи «Возрождение» и «Полярная звезда», для чего из Парижа прибыли члены совета Великого Востока Франции. Главное направление деятельности этих лож лежало в русле буржуазно-либеральной оппозиции самодержавию. В 1910 г. была создана ассоциация лож – Великий Восток народов России (ВВНР). Она имела своим лозунгом «борьбу за освобождение отечества». Имелась в виду замена самодержавия парламентской республикой. В 1912 г. в масоны был принят А. Ф. Керенский, который в 1915 г. стал руководителем ВВНР (вместе с левым кадетом, впоследствии заместителем председателя Государственной Думы, Н. В. Некрасовым).

В августе 1915 г. руководители масонов, собравшись на квартире социолога кадета М. М. Ковалевского, договорились о создании буржуазно-либерального Прогрессивного блока. Масоны согласовывали позиции либеральной и левых фракций в Думе и способствовали их совместным выступлениям. Как вспоминает в эмиграции (1928 г.) один из руководителей масонства меньшевик А. Я. Гальперн: «очень характерной для большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели… Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения».

Осенью 1916 г. от ВВНР откололась радикальная часть, которая готовила дворцовый переворот и одновременно «террористические действия» против рабочего движения. А. Я. Гальперн вспоминает: «Последние перед революцией месяцы в Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню, разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений – о переговорах Г. Е. Львова с генералом Алексеевым в Ставке относительно ареста царя… Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп».

25 февраля 1917 г. массовые демонстрации под лозунгами «Хлеба!» и «Долой самодержавие!» переросли во всеобщую политическую стачку[2]. На другой день к ней стали присоединяться войска. 27 февраля 1917 г. Совет министров ушел в отставку и разошелся. 28 февраля 1917 г. многие министры, включая Председателя Совета министров, были арестованы. Генералы, стоявшие на либеральных позициях, принудили царя к отречению от трона, в столице начались демонстрации рабочих и солдат гарнизона. К революции присоединился даже полк личной охраны царя, состоящий только из георгиевских кавалеров.

Хотя выступление солдат 27 февраля 1917 г. было стихийным, активность масонов с первого дня революции была очень велика. Историк В. И. Старцев в комментариях к документам о тех событиях пишет: «И проведение Н. С. Чхеидзе председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, а других масонов – членами его Исполкома, и формирование корпуса эмиссаров Временного комитета Государственной Думы, и создание самого Временного правительства, а также нажим на П. Н. Милюкова с целью немедленного провозглашения республики в ночь на 3 марта 1917 г. – все это показывает энергичную деятельность членов Великого Востока народов России с 27 февраля по 3 марта 1917 г.».

После февральских событий в ложу «Истинные друзья» был принят эсер Б. В. Савинков. В мае 1917 г. из 66 членов ЦК партии кадетов 11 были масонами. К октябрю 1917 г. активно действовали 28 лож системы ВВНР.

---

[2] Вначале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Возможно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были, но наличие заговора вовсе не обязательно. На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе 1917 г. составил половину от минимальной потребности. Продразверстка, введенная правительством осенью 1916 г., провалилась. В феврале 1917 г. председатель Государственной Думы М.В. Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».

Правительство было сформировано из представителей правой буржуазии и крупных помещиков, важные посты были отданы кадетам. Правительство было тесно связано с буржуазными общественными организациями, которые возникли в годы войны (Всероссийский земский союз, Городской союз, Центральный военно-промышленный комитет). Параллельно и независимо от правительства возник Петроградский Совет.

И кадеты, и правые либералы были едины в своей ориентации на Запад и в намерении продолжать войну. В апреле 1917 г. военный министр А. И. Гучков (лидер правых консерваторов) заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Государственной Думы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на одном – на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи».

Овладеть ситуацией Временное правительство не смогло и переживало все более тяжелые и длительные правительственные кризисы: 3–4 мая, 3—23 июля, 26 августа—24 сентября 1917 г. В результате этих кризисов менялся состав, уже 5 мая 1917 г. правительство стало коалиционным, но все три коалиции были непрочными. Разрушению подверглась вся система власти, важнейшие вопросы откладывались до появления Учредительного собрания. Были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления.

Как признал тогда лидер правых А. И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть». Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк М. Ферро, ссылаясь на признания А. Ф. Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* февральской революции[3].

При таком развале государства безвластие коснулось буквально каждого человека. Временное правительство назначило в губернии и уезды своих комиссаров. Но у них не было реальных средств влиять на положение. Как они сами заявили на совещании в Петрограде, без опоры на местные советы их власть «равна нулю» – но правительство вело дело к конфликту с советами, в то же время потакая им (например, через комиссаров правительства шла финансовая поддержка Советов).

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии – важнейшему институту государства. 2 марта 1917 г. секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н. Д. Соколов (бывший, как и А. Ф. Керенский, одним из руководителей российского масонства тех лет) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный Приказ № 1. Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление не ограниченной «ни в чем» свободы солдата. Этот приказ начал разрушение армии. Став военным министром, Керенский издал аналогичный приказ, известный как «декларация прав солдата». В июле генерал А. И. Деникин заявил: «развалило армию военное законодательство последних месяцев»[4].

---

[3] Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить государственные начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г. Церетели писал тогда об особом «государственном инстинкте» русских рабочих и их «тяге к организации».

[4] Критическим событием, положившим начало Февральской революции, был бунт 27 февраля 1917 г. учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, которая отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Этому событию было придано символическое значение – командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом – наградой, которой удостаивали только за личное геройство. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии. Кстати, многие наши антисоветские патриоты считают Л.Г. Корнилова монархистом – вот насколько подорвана историческая память.

В армии была проведена чистка командного состава (по данным А. И. Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). На главные посты были назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы – А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, А. В. Колчак. Следуя обязательствам перед Антантой и взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями – армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. В июле на фронте были восстановлены упраздненные во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела. Учрежденное Политическое управление Военного министерства безуспешно пыталось наладить в войсках пропаганду в пользу продолжения войны. Солдаты стремились домой, где начался передел земли[5].

3 июля 1917 г. было нарушено неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петроградским советом (так называемое «двоевластие»), была расстреляна демонстрация, шедшая под советскими лозунгами. Сформированное 24 июля 1917 г. правительство стало сдвигаться вправо, его председатель А. Ф. Керенский (перешедший в партию эсеров) занял и посты военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим. 25 августа 1917 г. произошел неудачный мятеж генерала Л. Г. Корнилова, который вместе с рядом других генералов пытался свергнуть Временное правительство.

Важнейшие изменения произошли в *национально-государственном устройстве.* Революция 1905–1907 гг. сплотила буржуазию и землевладельцев национальных регионов вокруг царской власти как самой надежной защиты. После краха монархии положение изменилось, стало преобладать стремление к огосударствлению наций. Начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра.

Прежде всего сепаратизм поразил армию. Еще до февраля были созданы национальные части – латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После февраля был сформирован чехословацкий корпус, и вдруг «все языки» стали требовать формирования национальных войск. Командование и правительство не были готовы к этому. Например, разрешили создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». Началась «украинизация» армии (солдаты отказывались идти на фронт под предлогом: «Підем під українским прапором»). Летом 1917 г. разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев.

Вопрос национально-государственного устройства до последнего момента игнорировался Временным правительством, о нем не упоминается ни в декларациях, ни даже в постановлении о провозглашении России демократической республикой (1 сентября 1917 г.). Вся практика Временного правительства способствовала децентрализации и сепаратизму не только национальных окраин, но и русских областей. Резко усилилось сибирское «областничество» – движение за автономию Сибири. Конференция в Томске (2–9 августа 1917 г.) приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири» в рамках федерации с самоопределением областей и национальностей и даже утвердила бело-зеленый флаг Сибири. 8 октября 1917 г. открылся I Сибирский областной съезд. Он постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. Были планы преобразовать саму Сибирь в федерацию. После Октября Дума не признала советскую власть, и большинство ее депутатов было арестовано.

Наиболее неудачно сложились отношения Временного правительства с Украиной. Уже 4 марта 1917 г. в Киеве была образована Центральная рада, которая требовала территори-

[5] М.М. Пришвин записал в дневнике 15 июня: «Солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: «Тебя, Иван, тебя, Семен, тебя, Петр, мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить…». Земельный вопрос надо было решать срочно. Временное правительство осталось глухо и взяло курс на "войну до победного конца"»[148].

ально-национальной автономии Украины. 10 июня 1917 г. рада провозгласила автономию. Тактика Временного правительства все откладывать до Учредительного собрания привела к отделению Украины, хотя позиции сепаратистов там были исключительно слабы[6].

Обратимся к тому, что происходило на другой ветви революционного процесса – в Советах. Становление системы Советов на первом этапе было процессом «молекулярным». Поначалу обретение Советами власти происходило вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у них не было, их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Та сила, которая стала складываться сначала в согласии, а потом и в противовес Временному правительству и которую летом возглавили большевики, была выражением массового *стихийного* движения. Сила эта по своему типу не была «партийной». На предприятиях Советом был весь трудовой коллектив, а выборы депутатов в Советы высших уровней (совдепы) должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. В деревне Советом был сельский сход. Иными словами, способ организации этой власти был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе.

По подсчетам историков, в 1917 г. количество членов всех политических партий по всей России составляло около 1,2 % населения страны. Партийно-представительная демократия, свойственная классовому гражданскому обществу, не была принята населением. Либерально-буржуазное правительство, которое пыталось опереться на такую политическую структуру, «повисло в воздухе».

Напротив, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственность крестьянской России.

Советы вырастали из крестьянских представлений о правильной власти. Исследователь русского крестьянства А. В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

За параллельными решениями и делами Временного правительства и Петроградского совета наблюдали в России все, до кого доходила информация, и Совет все время «набирал очки». Важнейшим пробным камнем стал вопрос о земле. Уже 9 апреля 1917 г. Петроградский совет признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания на местах земельных комитетов.

И не только в главных вопросах – мира и земли – брал верх Совет, но и по множеству житейских дел, которые сильно влияли на обыденное сознание. Легитимизация власти в обыденном сознании происходит именно через накопление малых, «молекулярных» оценок.

Совет, имея авторитет в среде рабочих и солдат, оказался гораздо более дееспособным, чутким и гибким в разрешении критических проблем для жизни граждан. Так, в первые же дни революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет – милицию из рабочих, фабрики и заводы обязаны были отрядить каждого

[6] Глава образованного радой правительства (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 г., признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками, а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая радой политика «украинизации». Он добавляет, упрекая украинцев: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция. Сравнение было в пользу Совета.

Именно в Советы приходилось обращаться за разрешением социальных конфликтов (например, при конфликте инженеров с рабочими в Петрограде и врачей с младшим персоналом в Москве). Таких вопросов, в решении которых Советы оказывались более практичными и близкими к жизни органами власти, было множество.

Огромное влияние на исход этого сравнения оказала армия. Выехав 5 апреля 1917 г. на фронт, военный министр А. И. Гучков был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров, тогда самую популярную. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

Таким образом, министр Временного правительства с самого начала говорит о взаимоотношениях с Советами в терминах не сотрудничества, а борьбы. Фактически уже начиная с Февраля политиками, не принявшими советского проекта, создавался механизм будущей гражданской войны. Она просто находилась в латентном, «инкубационном» периоде. Один из кандидатов на должность военного министра во Временном правительстве полковник Б. А. Энгельгардт писал в марте 1917 г.: «Чтобы остановить развивающееся движение, есть лишь одно средство: окунуть руки по локоть в крови, но в настоящую минуту я не вижу для этого ни возможностей, ни охотников». Когда «дети Февраля» получили для этого возможности и собрали «охотников», они начали гражданскую войну.

В июле Временное правительство сделало отчаянный шаг, чтобы ликвидировать двоевластие (расстрел демонстрации 3 июля), но это лишь развязало Советам руки для радикальных мер. Уйдя в тень, советы оставили сцену Временному правительству, и это очень ухудшило образ буржуазных либералов. В августе была попытка свергнуть Временное правительство «справа» (корниловский мятеж). Тот факт, что защиту его в основном пришлось организовывать Петроградскому совету, в глазах граждан означал полное банкротство правительства. От оставшейся у него чисто номинальной власти оно было отстранено без всякого насилия 25 октября 1917 г., в день открытия II Всероссийского съезда Советов, на котором и была провозглашена Советская власть и приняты ее первые Декреты.

В заключение стоит привести эпизод, который больше говорит не об истории, а о типе того антисоветизма, вокруг которого собрались в конце 80-х годов силы, сокрушившие СССР. В книге «При свете дня» В. Солоухин уверяет, что «по личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян». Для убедительности этого нелепого утверждения он начинает счет прямо с ночи 25 октября 1917 г., когда якобы по приказу Ленина арестованных в Зимнем дворце министров Временного правительства «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве».

Реальная судьба министров иная. Все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Из них в результате репрессий погиб в 1938 г. один – министр земледелия С. Л. Маслов. В СССР он был видным деятелем Центросоюза и преподавал в МГУ. Военный министр генерал А. А. Маниковский во время Гражданской войны был начальником снабжения Красной армии. Морской министр Д. Р. Вердеревский уехал во Францию, а в 1945 г. явился в посольство СССР и принял советское гражданство. Министр путей сообщения А. В. Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Один из министров, С. Н. Третьяков, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1943 г. был казнен немцами.

Отношения между Февральской и Октябрьской революциями

В преподавании официальной советской истории давалась следующая упрощенная схема. В феврале 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина неверна не в деталях, а в главном. Февральская революция не могла «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для либерально-демократической, западнической буржуазии и царская Россия, и советская Россия были одинаковыми врагами. Для февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX в. Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство – строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну – и не справилось с этой задачей. Причина в том, что государство было повязано и сословными интересами, и долгами перед западными банками. Как говорил М. Вебер, попало в *историческую ловушку* и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом монархического государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии, чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу. В этой борьбе они бы заведомо проиграли (как это и произошло на Западе). Крестьяне (85 % населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» и даже «родственниками» – и по крови, и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, в ходе их возникло «межклассовое единство низов» – и произошла революция 1905 г. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» – ересь с точки зрения марксизма. Крестьяне отшатнулись от монархии и повернулись к революции из-за столыпинской реформы.

Отношение к русской революции К. Маркса и Ф. Энгельса, труды которых оказывали большое влияние на российскую интеллигенцию, было внутренне противоречивым. Оно сводилось к следующему:

– они поддерживали революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

– они категорически отвергали рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути.

В этом представлении выразилась замечательная прозорливость и интуиция основоположников марксизма. Они увидели и почувствовали главное – в России параллельно назревали две революции, в глубине своей не просто различные, но и враждебные друг другу. На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные, *цивилизационные,* векторы были принципиально различны.

Это представление, на первых этапах смутное, было принято российскими марксистами для определения их отношения к реальному ходу революционного процесса в России. Первым критическим моментом стала революция 1905–1907 гг., которая явно пошла по тому пути, который был отвергнут и осужден К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксисты оказались перед историческим выбором: включиться в эту революцию или остаться верными учению Маркса и противодействовать этой революции («будущему Октябрю»). Фракция большевиков, возглавляемая В. И. Лениным, извлекла уроки из первого акта русской революции и примкнула

к революционным народным массам. Меньшевики остались с учением Маркса, к ним потом присоединились и эсеры.

Таким образом, в России одновременно произошли две разные революции. Одна из них – та, о которой и мечтали Маркс и Энгельс. Это революция западническая, имевшая целью ликвидацию монархической государственности и империи, установление свободного капиталистического рынка.

Другая революция – рабоче-крестьянская (советская), имевшая целями закрыть Россию от свободного рынка, отобрать бывшую общинную землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания. К этой революции примкнули рабочие с их еще крестьянским общинным мировоззрением и образом действия (например, способом организации в трудовые коллективы и подпольные общины). Такую революцию Маркс и Энгельс считали реакционной, поскольку она прямо была направлена на то, чтобы остановить в России колесо капиталистического прогресса.

Каждое из этих революционных течений имело двух главных врагов: самодержавие и альтернативную революцию. Конъюнктурно они на короткий период могли быть и союзниками (конкретно, в феврале, во время свержения монархии).

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г. Масоны завладели Государственной Думой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства. Оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений. Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905–1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция 1917 г. завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи.

Те культурные силы, которые стремились поддержать традиционные формы Российского государства (славянофилы в конце XIX в., «черносотенцы» после революции 1905 г.), были дискредитированы и оттеснены на обочину. После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и вырабатывали его программу, в союзе с большей частью эсеров и меньшевиков. Все они сходились на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контрреволюцией).

Февральская революция была *переворотом в верхах,* проведенным Государственной Думой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержала и либеральная буржуазия с частью бюрократии, и солдаты с рабочими. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно – во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата. В данном случае революционной была Государственная Дума (включая депутатов-монархистов типа А. И. Гучкова и В. В. Шульгина), большая часть генералитета, армии и полиции, чиновничества. Была и поддержка правительств государств Антанты.

Как и предполагал Ф. Энгельс, «эту революцию начали высшие классы столицы». Ф. Энгельс в своих трудах лишь выразил то, что правящая верхушка Запада и так прекрасно знала (хотя информационно-психологическая поддержка от марксизма была ей очень кстати).

Но февраль развязал руки революции советской. Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности: буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» Советская власть. Это был *единственный в своем роде* опыт, похоже, его не переживал ни один народ в истории. Два типа государственности означали два разных пути, разных жизнеустройства. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях исторического процесса, и люди

в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа – это исключительно эффективный способ познания.

Столкновения между Временным правительством и Советами начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ уже 21 апреля 1917 г. в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства; и она была обстреляна – впервые после февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

Да, вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности (в апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России). Но это была война не с монархистами – вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели,* а вовсе не «устроили» – никакой возможности реально влиять на события в феврале 1917 г. большевики не имели. Накануне Февраля в организациях партии большевиков работало около 10 тыс. человек, а большая часть руководства находилась в эмиграции или в ссылке.

Стихийный процесс продолжения траектории российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков) после февраля – в момент Апрельской конференции их численность оценивалась уже в 50 тыс. Отвергая западнический либерально-буржуазный проект, рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы), да и половина состава царского Генерального штаба, после февраля пошли именно за большевиками.

Монархия капитулировала без боя. С февраля в России началась борьба *двух революционных движений.* Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам – меньшевикам и эсерам. И те и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Г. В. Плеханов и В. Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А в России народ был «неправильный». Если взглянуть на дело со стороны меньшевиков-марксистов, то Октябрь выглядит событием реакционным, *контрреволюционным переворотом.* В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний К. Маркса и Ф. Энгельса. Февральская революция в России произошла согласно теории Маркса, а Октябрьская – вопреки этой теории.

Замечательно это выразил основатель итальянской компартии (тогда социалист) А. Грамши в статье «Революция против "Капитала"» (5 января 1918 г.): «Это революция против "Капитала" Карла Маркса. "Капитал" Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа… Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [216].

Нестабильное равновесие, возникшее после октября, сломали прежде всего эсеры. Признав советскую власть, Учредительное собрание блокировало бы гражданскую войну. А вот если бы большевики сдались Учредительному собранию, война все равно была бы неизбежной. Шанс на выход из тупика давал именно и только советский проект (хотя какие-то его вариации были возможны, но и те были загублены левыми эсерами). Эсеры и объявили Советской власти гражданскую войну, а подполковник В. О. Каппель был их первым командиром (его недавно перезахоронили с воинскими почестями и хоругвями как якобы монархиста).

Большевики ушли от марксизма не только в том, что исходили из иной картины мироустройства, осознали природу капиталистической системы «центр – периферия» и цивилизационный смысл русской революции. Они ушли и от присущего марксизму *механицизма* во взглядах на исторический процесс. Они мыслили уже в понятиях перехода «порядок – хаос – порядок» и верно оценивали значение *момента* и *движения*. Помимо верной оценки движущих *сил* русской революции они умело действовали в «точках бифуркации», в моменты неустойчивых равновесий.

Благодаря организующему действию большевиков Советам удалось прийти к власти на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства населения – крестьян.

Это удалось потому, что в России в отличие от марксистской теории классовой революции была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран эта революция была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступали против Советской революции, даже и под красным знаменем социализма.

В работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 г. в Цюрихе и напечатанной в середине 1917 г. в Петрограде, развивается представление о судьбе периферийных стран мировой системы, преодолевающее главные догмы марксизма. В дополнение к отходу от марксистских представлений о крестьянстве «Империализм…» стал необходимым блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «в *одной стране*» — вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм…» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме…» данных об изъятии Западом ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада *не является* революционным классом. В. И. Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, Сесиля Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил – его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов. Таким образом, и на практике эксплуатация рабочих была дополнена (а скорее, даже замещена) эксплуатацией народов, а *классовая борьба* заменена *борьбой народов*.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 г., вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Значит, неверно, что лишь мировая пролетарская революция, начатая в западных странах, может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Отказ от этого постулата был важным шагом в создании ленинской теории революции. Из него прямо следовала установка большевиков, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходится, а революция в странах периферийного капитализма, к которым

относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер борьбы против гнета иностранного капитала. Впоследствии ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах.

Ортодоксальные марксисты (П. Б. Аксельрод, В. Засулич, Г. В. Плеханов) посчитали, что в феврале главная задача русской революции, поставленная К. Марксом и Ф. Энгельсом, выполнена. Ас реакционной советской революцией надо бороться. Эта часть марксистов стала антиленинцами и заняла антисоветскую позицию – в точном соответствии с теми заветами, которые Маркс и Энгельс сформулировали в 1870–1880 гг.

Чистым случаем можно считать политику *меньшевиков,* которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Н. Н. Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и И. В. Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Н. Н. Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией, а взять власть самим. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, она разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах русские были в большинстве). В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Для защиты от турок меньшевики призвали на помощь немецкую армию, а потом и британскую.

При этом внутренняя политика правительства Н. Н. Жордании была *социалистической.* В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа – земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем были национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19 % занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Н. Н. Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г. так: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!».

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф. Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина – Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, Ю. Пилсудский, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западноевропейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX в.

Суть Октября как *цивилизоционного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В. М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М. И. Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники К. Каутского определили большевизм как *«азиатизацию* Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии,* в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы.* Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций.*

Конфликт этого типа вновь стал назревать с 60-х годов XX в. уже в новых поколениях и сильно изменившемся обществе.

Глава 2
Генезис советского проекта

Аграрная цивилизация. Традиционное общество. Община

В XVIII в. на Западе вошло в обиход слово «цивилизация». Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости. Словом «цивилизация» стали обозначать *стадию развития* общества, следующую за дикостью и варварством. Старое понятие «христианский мир» стало малоупотребительным, оно выполняло свои функции, пока свою политическую и культурную объединительную роль играла Священная Римская империя, скрепленная католичеством и латинским языком. После Реформации и религиозных войн понятие «христианский мир» в большой мере утратило свою эффективность. На смену ему почти повсеместно пришло понятие «Европа».

В начале XIX в. в ходе становления мировой колониальной системы возникла «этноисторическая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация. Позже стало развиваться понятие «*локальные* цивилизации». Одной из таких локальных цивилизаций была Россия (восточно-христианская, или евразийская цивилизация). После победы над Наполеоном этот статус России был принят и на Западе, и в самосознании образованного слоя самой России.

В России начала XX в. западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, казалось, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные *цивилизационные проекты.* Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал *советский проект.* Не употребляя понятийный аппарат цивилизационного подхода, мы упускаем многие стороны реальности.

Эти понятия были для российского самосознания столь актуальны, что сам цивилизационный подход начал интенсивно разрабатываться именно в России. В трудах Н. Я. Данилевского были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных цивилизаций», введены представления о *культурно-историческом типе* как носителе главных черт той или иной цивилизации (его основной труд «Россия и Европа» был написан в 1869 г.)[7]. Эти идеи затем, в XX в., развивались в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби и П. А. Сорокина.

Траектория развития Запада как цивилизации неповторима. В становлении его важным фактором была новая антропологическая модель. На уровне религиозного сознания главное изменение в представлении о человеке на Западе произвела протестантская Реформация в Европе. Она отвергла идею коллективного спасения души, религиозное братство людей. Именно эта идея и соединяла ранее людей в христианстве: все люди – братья во Христе, он *за всех нас* пошел на крест. На Западе, напротив, возник религиозно обоснованный *индивидуализм.* Это общество возникло на идее *предопределенности.* В кальвинизме, который дал религиозное оправдание капитализму, люди изначально разделены на *избранных* и *отверженных.*

Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была его цель: он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных» [25, с. 213].

Это значило, что люди изначально не равны, а делятся на меньшинство, избранное к спасению души, и тех, кому предназначено вечно страдать в геенне, – *отверженных.* Видимым

[7] Конечно, в среде образованных людей влияние западников явно преобладало. Работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» была издана в Петербурге в 1871 г. тиражом 1200 экземпляров. К моменту смерти автора в 1885 г. тираж так и не был распродан.

признаком избранности стало *богатство.* Бедность была ненавистна как симптом отверженности, людей соединяли не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. М. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему… а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню» [25, с. 157].

В ходе Реформации, Просвещения и буржуазных революций возникло и новое рациональное представление о человеке – *свободный индивид. Индивид* — это перевод на латынь греческого слова *атом,* что по-русски означает *неделимый.* Человек стал атомом человечества – свободным, неделимым, в непрерывном движении и соударениях. При этом каждый имел в частной собственности свое *тело.* Оно стало самым исходным, первичным элементом частной собственности, и в обладании ею все были равны. В России сам смысл понятия «индивид» широкой публике даже до сих пор неизвестен – это слово воспринимается как синоним слова «личность», что неверно.

Философское основание западного общества сформулировал в XVII в. Т. Гоббс. У него сосуществование индивидов в обществе определяется их исходным равенством. Но в отличие от равенства людей, как братьев во Христе, у Т. Гоббса «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Равенство людей-«атомов» предполагает здесь не любовь и солидарность, а войну: «хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними» [42, с. 303].

Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы. Поэтому *община* (крестьянская или ремесленная) была врагом буржуазного общества и его культуры.

Понятие «индивид» развивалось на протяжении четырех веков философами, вплоть до Поппера и фон Хайека, и самыми разными школами политэкономии, социологии, антропологии, поведенческих наук и даже психоанализа. В России своя, идущая от православия, антропологическая модель – человек как *соборная личность* — оформилась в конце XIX в. в трудах философов-немарксистов (П. Хомяков, К. Леонтьев, Вл. Соловьев).

Создание капитализма как основного уклада жизни целой цивилизации стало великой программой многих народов Европы. Авангардом ее были голландцы, фризы и англичане, но каждый народ внес в это строительство свое: и в дебаты и войны Реформации и буржуазных революций, и в Великие географические открытия и завоевания колоний, и в создание науки, техники и фабрики для индустриальной революции.

К. Поланьи, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о *«всенародной стройке»,* что главные идеи нового порядка были приняты *народом.*

Он писал: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые «просвещенные» с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма» [160, с. 314].

Как известно, Запад в этом катаклизме не погиб, а вышел из него как могучая, энергичная цивилизация с ненасытной жаждой экспансии. Она проявилась прежде всего в торговле и войне. О. Шпенглер так излагает культурные корни английского капитализма: «Английская хозяйственная жизнь фактически тождественна с торговлей, с торговлей постольку, поскольку она представляет культивированную форму разбоя. Согласно этому инстинкту все превращается в добычу, в товар, на котором богатеют… Властное слово "свободная торговля" относится

к хозяйственной системе викингов. Становится понятен Адам Смит с его ненавистью к государству и к "коварным животным, которые именуются государственными людьми". В самом деле на истинного торговца они действуют, как полицейский на взломщика или военное судно на корабль корсаров» [194, с. 78–80].

В России разрыва общинных связей и стоящих за ними связей религиозного братства не произошло, воздействие капитализма запоздало. Российская социальная философия (как православная, так и либеральная, а позже советская) вообще считала концепцию индивида некорректной, поскольку личности вне общества просто не существует. Общество и личность связаны нераздельно и *создают друг друга.* В антропологической модели, развитой в России, человек всегда включен в солидарные группы (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива). Обыденным выражением этой антропологии служит девиз: «Один за всех, все за одного».

Отрицание индивидуализма было одним из важнейших культурных устоев России как цивилизации, что и предопределило общий духовный кризис, возникший при вторжении западного капитализма в конце XIX – начале XX в. Н. А. Бердяев в книге «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией (Белинский, Достоевский). Но коллективизм есть в русском народничестве – левом и правом, в русских религиозных и социальных течениях, в типе русского христианства. Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения XX века, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский – все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, «соборной», хотя и поразному понимаемой» [цит. по 41, с. 167].

Уже сравнение условий России и Запада объясняет, почему динамика и формы ее культурного и хозяйственного развития кардинально отличались от западных. Мы не можем здесь рассматривать всю совокупность природных факторов, влияющих на выбор форм хозяйства. Этому посвящена обширная литература XIX и XX вв.

Само *пространство* заставляло в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного. В России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли в конце XIX в. 50 %, а транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. На внутреннем рынке России торговля всегда была торговлей на *«дольние расстояния».* В 1896 г. средние пробеги важнейших массовых грузов по внутренним водным путям превышали 1000 км. Средний пробег по железной дороге в тот год составил: по зерну 638 км, по углю – 360 и по керосину—945 км [160, с. 317].

Условия пространства, расстояний, транспортной сети и плотности населения на Западе, подробно описанные Ф. Броделем [19], отличаются от условий России просто разительно (первая глава второго тома его книги называется «Пространство, враг номер один»).

Второй неустранимый фактор – почвенно-климатические условия. Возьмем сравнительно хорошо описанное в истории время с X по XIX в. В этот период практически все богатство России создавалось сельскохозяйственным трудом крестьянства. Запад с XVI в. начал уже эксплуатацию колоний, но и в Западной Европе сельское хозяйство играло огромную роль. Сравним условия земледелия и главный показатель этого хозяйства – урожайность зерновых на Западе и в России.

В XIV в. в Англии и Франции поле вспахивали 3–4 раза, в XVII в. – 4–5 раз, в XVIII в. рекомендовалось производить до 7 вспашек. Это улучшало структуру почвы и избавляло ее от сорняков. Главными условиями для такого возделывания почвы были мягкий климат и стальной плуг, введенный в оборот в XIV в. Возможность пасти скот практически круглый год и высокая биологическая продуктивность лугов позволяли держать большое количество скота и

обильно удобрять пашню (во многих местах имелась даже официальная должность инспектора за качеством навоза).

А вот что пишет об условиях России академик Л. В. Милов: «Главным же и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. Так называемый беспашенный период, когда в поле нельзя вести никакие работы, длится в средней полосе России семь месяцев. В таких европейских странах, как Англия и Франция, "беспашенный" период охватывал всего два месяца (декабрь и январь).

Столетиями русский крестьянин для выполнения земледельческих работ (с учетом запрета на труд по воскресеньям) располагал примерно 130 сутками в год. Из них около 30 суток уходило на сенокос. В итоге однотягловый хозяин с семьей из четырех человек имел для всех видов работ на пашне (исключая обмолот снопов) лишь около 100 суток. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского надела это составляло 22–23 рабочих дня (а если он выполнял полевую барщину, то почти вдвое меньше).

Налицо колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Это и 4—6-кратная пахота, и многократное боронование, и длительные "перепарки" что позволяло обеспечить чистоту всходов от сорняков, достигать почти идеальной рыхлости почвы и т. д.

В Парижском регионе затраты труда на десятину поля под пшеницу составляли около 70 человеко-дней. В условиях российского Нечерноземья земледелец мог затратить на обработку десятины земли всего 22–23 дня. Значит, если он стремился получить урожай на уровне господского, то должен был выполнить за 22–23 дня объем работ, равный 40 человеко-дням, что было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения сил всей семьи, включая стариков и детей…

По нормам XIX в. для ежегодного удобрения парового клина нужно было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара [т. е. 12 голов на средний двор. – *С. К.-М.]*. Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России было необычайно долгим (198–212 суток), то, по данным XVIII–XIX вв., запас сена должен был составлять на лошадь – 160 пудов, на корову – около 108 пудов, на овцу – около 54 пудов… Однако заготовить за 20–30 суток сенокоса 1244 пуда сена для однотяглового крестьянина пустая фантазия… Факты свидетельствуют, что крестьянская лошадь в сезон стойлового содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, – 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг – 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили соломой. При такой кормежке удобрений получалось мало, да и скот часто болел и издыхал» [115].

Какова же была урожайность на Западе и в России? Ф. Бродель приводит множество документальных сведений. «В имениях Тевтонского ордена в Пруссии урожайность пшеницы с 1550 г. по 1695 г. доходила до 8,7 ц/га, в Брауншвейге была 8,5 ц/га, в хороших хозяйствах во Франции с 1319 по 1327 г. пшеница давала урожаи от 12 до 17 ц/га (средний урожай сам-восемь). В 1605 г. французский обозреватель сельского хозяйства писал о средних урожаях: "Хозяин может быть доволен, когда его владение приносит ему в целом, с учетом плохих и хороших лет, сам-пять – сам-шесть"» [20, с. 135].

В целом по Англии дается такая сводка урожайности зерновых: 1250–1499 гг. – 4,7:1; 1500–1700 гг. – 7:1; 1750–1820 гг. – 10,6:1. Такие же урожаи были в Ирландии и Нидерландах, чуть меньше во Франции, Германии и Скандинавских странах. Итак, с XIII по XIX в. они выросли от *сам-пять* до *сом-десять.*

Какие же урожаи были в России? Читаем у Л.В. Милова: «В конце XVII в. на основной территории России преобладали очень низкие урожаи. В Ярославском уезде рожь давала от сам-1,0 до сам-2,2. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1,0 до сам-2,5. Более надежные сведения об урожайности имеются по отдельным годам конца XVIII в.: это сводные погубернские показатели. В Московской губернии в 1788, 1789, 1793 гг. средняя по

всем культурам урожайность составляла сам-2,4; в Костромской (1788 г., 1796 г.) – сам-2,2; в Тверской (1788–1792 гг.) средняя по ржи – сам-2,1; в Новгородской – сам-2,8».

Мы видим, что разница колоссальная – в России на пороге XIX в. урожай сам-2,4! В 4 раза ниже, чем в Западной Европе. Надо вдуматься и понять, что эта разница, из которой и складывалось «собственное» богатство Запада (т. е. полученное не в колониях, а на своей земле), накапливалась *год за годом в течение тысячи лет.* Величина этого преимущества с трудом поддается измерению.

А ведь и крестьянин, и лошадь в России работали впроголодь. Как пишет Л.В. Милов, в Древнем Риме, по свидетельству Катона Старшего, рабу давали в пищу на день 1,6 кг хлеба (т. е. 1 кг зерна). У русского крестьянина суточная норма *собранного* зерна составляла 762 г. Но из этого количества он должен был выделить зерно «на прикорм скота, на продажу части зерна с целью получения денег на уплату налогов и податей, покупку одежды, покрытие хозяйственных нужд».

Как известно, Запад делал инвестиции для строительства дорог и мостов, заводов и университетов главным образом за счет колоний. У России колоний не было, источником инвестиций было то, что удавалось выжать из крестьян. Насколько прибыльным было их хозяйство?

Л.В. Милов пишет: «На этот счет есть весьма выразительные и уникальные данные о себестоимости зерновой продукции производства, ведущегося в середине XVIII в. в порядке исключения с помощью вольнонаемного (а не крепостного) труда. Средневзвешенная оценка всех работ на десятине (га) в двух полях и рассчитанная на массиве пашни более тысячи десятин (данные по Вологодской, Ярославской и Московской губерниям) на середину века составляла 7 руб. 60 коп. Между тем в Вологодской губернии в это время доход достигал в среднем 5 руб. с десятины при условии очень высокой урожайности. Следовательно, затраты труда в 1,5 раза превышали доходность земли… Взяв же обычную для этих мест скудную урожайность (рожь сам-2,5, овес сам-2), мы столкнемся с уровнем затрат труда, почти в 6 раз превышающим доход» [114].

Понятно, что в этих условиях ни о каком капитализме речи и быть не могло. Организация хозяйства могла быть только крепостной, общинной, а затем колхозно-совхозной. Только когда в условиях планового хозяйства и крупных сельскохозяйственных предприятий, как общее дело всего народного хозяйства, смогли перейти от трехпольного земледелия к интенсивным многопольным севооборотам, некоторые отрасли сельского хозяйства стали в России прибыльными.

Л.В. Милов делает вывод: «Общий итог данного обзора можно сформулировать так: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Поэтому, если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда не состоялась бы как великая держава…

И в новейший период своей истории… в области аграрного производства Россия остается в крайне невыгодной ситуации именно из-за краткости рабочего периода на полях. По той же причине российский крестьянин лишен свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью ведет к удорожанию продукции… В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть»[114].

Важнейшим для России институтом, в символической форме воплощающим тип семейных отношений, была община. Она сложилась в России под сильным влиянием православного мироощущения и православной антропологии и просуществовала тысячу лет, наложив глубокий отпечаток на всю национальную культуру.

Русский народ, выражаясь словами А.С. Панарина, «оказывается хранителем общинного сознания в эпоху, когда общинность репрессирована политически, экономически и идеоло-

гически. В этом смысле народ оказался великим подпольщиком современного гражданского общества» [134, с. 241].

Именно община с ее уравнительным укладом позволила «великорусскому пахарю» освоить огромную зону рискованного земледелия и обеспечить своим трудом и воинской повинностью создание великой державы со всеми необходимыми институтами. Общинный уклад позволил крестьянскому двору организовать хозяйство «ради жизни» (а не ради наживы) – по типу хозяйства семьи (а не рынка)[8]. *Семейное* хозяйство, основанное на соединении ресурсов, а не их купле-продаже, исключительно эффективно для определенного класса целей. Полная замена его рыночными отношениями невозможна, так как оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад[9].

На большом международном семинаре в 1995 г., посвященном проблеме голода, историк В.В. Кондрашин говорил: «Страх перед голодом был одной из причин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины. В течение столетий в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы община обеспечивала минимальное приложение сил трудовых своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от разорения. В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей… Надо сказать, что хроническое недоедание крестьян [в пореформенный период] создавало в России социальную базу для большевизма и распространения уравнительных коммунистических идей…

К концу XIX в. масштабы неурожаев и голодных бедствий в России возросли… В 1872–1873 и 1891–1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX в. ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов XIX в. арендных цен на землю… – все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания… Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период… оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий» [88].

Историки отмечают, что под воздействием развития капитализма в российском обществе происходили разнонаправленные процессы. Так, старообрядческие общины стали передавать своим энергичным членам общинные деньги для ведения предпринимательства – сначала торгового, позже промышленного. К 1917 г. большинство отечественных промышленников составляли старообрядцы и их дети. Иначе пошло дело у крестьян.

И. Ионов пишет об этом: «Однако история России знает и *обратную* социокультурную инверсию, своего рода реакцию на процесс вестернизации и модернизации. Ее результатом стало развитие традиционалистских настроений и взглядов. Наиболее ярким фактом, демонстрирующим этот процесс, был рост стремления к уравнительности у русского крестьянства центральных губерний в 1870–1900 гг. в ходе его втягивания в товарно-денежные отношения и развития социального расслоения в деревне, зафиксированного статистикой. Вместо того чтобы стремиться обогатиться за счет других крестьян, расширить свой надел, выйти из общины, крестьяне именно тех губерний, где были сильно развиты отходничество и товарно-

[8] Уже Аристотель сформулировал основные различия между двумя типами хозяйства. Одно из них – экономия (натуральное хозяйство), что означает «ведение дома», материальное обеспечение экоса (дома) или полиса (города). Это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей, оно не обязательно сопряжено с рынком и движением денег. Другой тип – хрематистика (рыночная экономика). Она нацелена на накопление богатства вне зависимости от его использования. Каждой цивилизации присущи разные конфигурации соотношений и взаимодействия между этими двумя «чистыми» типами хозяйства.

[9] Проведенный недавно расчет показал, что средняя американская домохозяйка «производит и поставляет» своей семье услуги, которые на рынке стоили бы около 100 тыс. долларов в год.

денежные отношения, стремились к укреплению общины, к переходу от менее уравнительных (по числу работников) к более уравнительным (по едокам) переделам земли, предотвращавшим дальнейшее расслоение и ослабление общины. В Московской губернии число таких общин за указанный период возросло в 3 раза (до 77 %), во Владимирской – в 5 раз (до 94 %), в Саратовской – в 41 раз (до 41 %)» [71].

В крестьянской поземельной общине сложилась стройная система нравственных норм и своя система права, которые к началу XX в. соединили всю сеть общин на территории Российской империи в дееспособное гражданское общество, собранное на иных основаниях, нежели на Западе. Социолог У.Р. Каттон (США) приводит такую историю: «В 1921 г. голодную общину на Волге посетил корреспондент американской газеты, собиравший материалы о России. Почти половина общины уже умерла с голоду. Смертность продолжала возрастать, и у оставшихся в живых не было никаких шансов выжить. На близлежащем поле солдат охранял огромные мешки с зерном. Американский корреспондент спросил у пожилого лидера общины, почему его люди не разоружат часового и не заберут зерно, чтобы утолить голод. Старик с достоинством отвечал, что в мешках находятся зерна для посева на следующий год. "Мы не крадем у будущего", – сказал он» [79].

Община была защитным механизмом, позволявшим пережить бедствия, которыми была полна история России, вызванные и природными, и социальными катастрофами (неурожаями, войнами, революциями и реформами). В общинных («традиционных») обществах не допускалась глубокая бедность как социальное явление – кусок хлеба полагался всем. Такая бедность возникла лишь в «современном» обществе Запада (обществе *модерно).*

Французский историк Ж. Дюби так описывал болезненный переход от традиционного уклада к городской жизни Нового времени: «В городе добивались успеха не все. Городское богатство было приключением, везеньем, т. е. нестабильностью. В игре одни выигрывали, другие теряли. На новом социальном пространстве возникало небывалое, сотрясающее душу явление – нищета в неравенстве. Уже не та нищета, что обрушивалась поровну на всю общину, как при голоде в тысячном году. А нищета одного, отдельного человека. Она была возмутительна, потому что соседствовала с неслыханным богатством» [178, с. 138].

Новое, буржуазное, общество приняло бедность части населения и на уровне обыденных житейских обычаев и установок, и на уровне социальной философии. Как писал Ф. Бродель об изменении отношения к бедным, «эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы» [20, с. 92].

Установление рыночной экономики впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. К. Поланьи в своей книге об истории возникновения рыночной экономики «Великая трансформация» отмечает, что, когда в Англии в XVIII в. готовились новые *Законы о бедных,* философ и политик лорд Таунсенд писал: «Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще, только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод – это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности.

Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению»[10].

А в России еще «Домострой» учил: «И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай». Модернизация лишь придала этому порядку слабый европейский оттенок: Александр I в указе 1809 г. повелел бродяг отправлять к месту жительства «безо всякого стеснения и огорчения» самим бродягам. В северных деревнях дома даже имели специальные приспособления в виде желоба. Нищий стучал клюкой в стену, подставлял мешок, и по желобу ему сбрасывали еду. Устройство находилось на тыльной стороне дома, вдали от окон – «чтобы бедный не стыдился, а богатый не гордился» [150].

В России «право на жизнь» всегда было *естественным* правом. Человек, просто потому что он родился в общине и был «один из нас», имел право на жизнь, а значит, на некоторый минимум благ[11]. Поэтому так болезненно и было воспринято вторжение западного капитализма, в результате которого с конца XIX в. стали происходить голодные бедствия как социальное, а не стихийное явление. Российское сословное общество и государство стали отходить от патернализма, перестали признавать *право но жизнь,* что и завершилось революцией[12].

Говоря о русской культуре, Н.А. Бердяев отмечает важную особенность: «Русские суждения о собственности и воровстве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку… С этим связана и русская борьба против буржуазности, русское неприятие буржуазного мира… Для России характерно и очень отличает ее от Запада, что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии» [14].

Развитие капитализма в России побудило крестьянство и значительную часть всех других сословий искать альтернативный проект будущего – не только из-за угрозы социальных бедствий, но и по духовным (даже религиозным) причинам. Так, миллионы людей стали обдумывать тот образ будущего, который в 1917 г. получил имя *советский.*

Апокалиптика и хилиазм

Для выработки больших проектов, устремленных в будущее, необходим поток сообщений особого типа – *Откровений.* «Откровение» тайн будущего *(апокалиптика)* изначально и поныне является столь важной частью общественной жизни, что, по выражению немецкого философа, «апокалиптическая схема висит над историей».

Классификация типов знания для предвидения будущего сложилась в религиозной мысли. Пророки, отталкиваясь от злободневной реальности, задавали путь ее движения в очень отдаленное будущее, объясняли судьбы народов и человечества. *Пророчество* как способ построения образа будущего не утратило своего значения и в наши дни. В переломные периоды это проявляется наглядно, достаточно вспомнить роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком.

---

[10] Эта утрата культуры солидарности осознается и переживается на Западе. Ф. фон Хайек, идейный основатель современного неолиберализма, писал: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, – вещь неведомая в свободном обществе. Ее придется создавать с нуля» [183]. Таким образом, на Западе, по мнению философов неолиберализма, ликвидировали «всенародную солидарность до нуля» – а теперь ее придется «создавать с нуля». Сейчас мы видим, как это сложно: ВВП сокращается на 0,5 %, в результате половина молодежи становится безработной, но растет число миллиардеров.

[11] В «Письмах из деревни» А.Н. Энгельгардт подробно описывает правила и ритуалы подаяния крестьянам, которые при неурожаях шли от деревни к деревне «в куски» – уже в 80-е годы XIX в.

[12] Белинский писал Боткину в 1847 г. из Европы, куда он приехал впервые в жизни: «Только здесь я понял ужасное значение слов пауперизм и пролетариат. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами… но нет бедности… Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать – и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!»[11].

«Внизу», в массе, будущее предсказывают прорицатели разного типа. Они не претендуют на то, чтобы услышать Откровение, а дают *трактовку* прежних пророчеств. Предсказания и прогнозы такого рода – необходимый ресурс революций, войн, катастрофических реформ. Почему «откровения», стоящие на столь зыбком фундаменте, так востребованы во все времена? Потому что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом – люди прилагают усилия и даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути.

Поэтому прогнозы и имеют повышенный шанс сбыться, хотя изменчивость условий и многообразие интересов множества людей, казалось бы, должны были разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. Чтобы «откровение» стало движущей силой общественных процессов, оно должно включать в образ будущего *свет надежды.* Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ *хилиазм* — идея тысячелетнего Царства добра, выраженная в символической религиозной форме[13]. Она зародилась как *ересь* еще в общинах ранних христиан, веривших в возможность построения Царства Божия на земле.

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. По словам С.Н. Булгакова (в молодости марксиста, а позже православного философа), хилиазм «есть живой нерв истории, – историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством… Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном» [20].

В создании образа будущего надежда на избавление сопровождается *эсхатологическими* мотивами (предчувствием преображения мира). К Царству добра ведет трудный путь борьбы и лишений, гонений и поражений, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции – «и последние станут первыми»). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее. В революционной лирике этот мотив очень силен.

Поэт Валерий Брюсов, свидетель и мыслитель революции, патриарх русского символизма и художественный идеолог крупной буржуазии, на склоне лет вступивший в коммунистическую партию, написал:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром – Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.
Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни,—
Но первой жатвы не увидишь ты.

Образ будущего задает народу «стрелу времени» и включает народ в *историю.* Он соединяет прошлое, настоящее и будущее, скрепляет цепь времен. Культура России пережила почти вековой подъем апокалиптики, замечательно выраженной в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Тол-

[13] Хилиазм (от греч. chilias – тысяча) – одно из наименований милленаристских движений, исходящих из веры в возвращении Мессии через тысячу лет.

стого и М. Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов XX в.

Исключительно важный для предвидения источник знания – откровения художественного творчества. Они содержат предчувствия, которые часто еще невозможно логически обосновать. Георгий Свиридов писал в своих «Записках»: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем ни более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому – великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Корнями апокалиптика русской революции уходит в иное мировоззрение, нежели пророчества Маркса. В ней приглушен сильный у Маркса мотив разрушения «мира зла» и строительства Царства добра *на руинах.* В крестьянской России будущее виделось как *нахождение* утраченного на время града Китежа, как преображение через очищение добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина». Таковы общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, наказов крестьян в 1905–1907 гг., социальные и евразийские «откровения» А. Блока, крестьянские образы будущего земного рая у С. Есенина и Н. Клюева, поэтические образы В. Маяковского («Через четыре года здесь будет город-сад»).

Всякая новая государственность зарождается как политический (и «еретический») бунт. Образ советской власти вырабатывался в полемике с иными цивилизационными проектами (консервативно-сословный и буржуазно-либеральный проекты), которые разделили тогда российское общество. Подобно протестантской Реформации на Западе этот бунт означал радикальный сдвиг в знании о мире, человеке, обществе и власти в России. Во время перестройки ее идеологи (например, академик-экономист С. Шаталин) не без оснований уподобляли весь советский проект хилиазму и отрицали его, как их духовные отцы в 1917 г.

Но всякий большой революционный проект носит черты религиозного движения. Религиозным чувством были проникнуты и революционные рабочие и крестьяне, и революционная интеллигенция. Н. Бердяев писал: «Социальная тема оставалась в России религиозной темой и при атеистическом сознании. "Русские мальчики", атеисты, социалисты и анархисты – явление русского духа. Это очень хорошо понимал Достоевский» [14][14].

Духовные искания рабочих и крестьян революционного периода отражались в культуре. Исследователь русского космизма С.Г. Семенова так характеризует первый этап становления советского проекта: «Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями… Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов… воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катаклизм, начало "онтологического" переворота, призванного пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот – катастрофический прерыв старого мира, выход "в новое небо и новую землю", была всеобщей» [165].

Великим еретиком и богостроителем был М. Горький, один из созидателей советского проекта. В своей статье о религиозных исканиях М. Горького историк М. Агурский пишет, ссылаясь на исследования русского мессианизма, что «религиозные корни большевизма как народного движения уходят в полное отрицание значительной частью русского народа существующего мира как мира неправды и в мечту о создании нового "обоженного" мира. Горький

[14] Даже антирелигиозные действия 20-х годов XX в. несли в себе религиозную компоненту. Иван Солоневич писал: «Комсомольского безбожия нельзя принимать ни слишком всерьез, ни слишком буквально. У русской молодежи нет, может быть, веры в Бога, но нет и неверия… Я бы сказал, что русский комсомолец, как он ни будет отбрыкиваться от такого определения, если и атеистичен, то атеистичен тоже по-православному. Если он и делает безобразия, то не во имя собственной шкуры, а во имя "мира на земли и благоволения в человецех"» [169, с. 455].

в большей мере, чем кто-либо, выразил религиозные корни большевизма, его *прометеевское богоборчество»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.